

Сетевая модель социальной самоорганизации: феномен «общества онлайн»

Н. Н. Левчук,
начальник научно-исследовательского отдела
проблем военной безопасности
научно-исследовательского управления
военно-гуманитарных исследований,
кандидат политических наук,
НИИ Вооруженных Сил

«Общество онлайн» олицетворяет сетевые принципы социальной самоорганизации, очевидность которых проявилась именно в информационную эпоху с ее глобальным трендом развития социальных сетей и интерактивных способов коммуникации. В «обществе онлайн» пространство мест заменено пространством потоков, а его внутренние организованности характеризуются усилением «социальной тесноты», ставшей одним из атрибутов структурирования информационной сферы.

Специфику организованностей инфосферы иллюстрирует «умная толпа», которую характеризует роение как способ действий индивидов: «Сложив все ее составляющие – технологические, экономические и социальные, мы получим инфраструктуру, допускающую человеческие действия, прежде невозможные» [1, с. 8]. Причем решающую роль здесь играют общественные привычки. Как отмечает Г. Рэйнгольд, «умные толпы» состоят из людей, которые способны действовать согласованно, даже не зная друг друга. Люди, составляющие «умные толпы», сотрудничают невиданным прежде образом благодаря имеющимся у них устройствам, обеспечивающим связь и вычисления. Переносные устройства соединяют их владельцев как с другими информационными устройствами поблизости, так и с телефонами других людей. Более того, дешевые микропроцессоры начинают проникать в потребительские товары, которые наделяются невидимыми, общающимися «умниками».

Соединяя осязаемые предметы и места нашего обитания с Интернетом, портативные средства связи призваны помочь согласовывать свои действия с другими людьми по всему миру и, что, пожалуй, важнее, с теми, кто рядом [1, с. 8]. Благодаря этим устройствам целые группы людей обретают новые формы и возможности коммуникационного взаимодействия, т. е. инфосфера предстает «как единое, организованное целое в самом человеке, в группе людей, в человеческом сообществе, на отдельно взятой территории, или на всей Земле структурированное информационное пространство с быстрым, надежным, гармоничным, всесторонним информационным обменом» [2, с. 21]. Именно технологический симбиоз мобильной телефонии и социальных сетей создал предпосылки формирования интерактивной социальной реальности.

В условиях глобализации социальная самоорганизация реализуется в понятии « сетевого общества», которое впервые появилось в названии работы голландского исследователя Я. ван Дайка в 1991 г. Ученый отличает непосредственную коммуникацию друг с другом от коммуникативных актов между индивидами на большом расстоянии, предопределив последующее научное описание виртуальной толпы [3], внутренняя структура которой подчинена социальной логике. Сформулированный еще в XIX в. закон духовного единства толпы Г. Лебона [4, с. 88] в информационную эпоху можно интерпретировать как закон сетевой социальной самоорганизации.

Закон духовного единства толпы позволяет рассматривать в качестве таковой социальную сеть. Г. Лебон, хоть и в свойственной его времени терминологии, одним из первых сформулировал сетевые принципы формирования толпы. Он отмечал, что

«с психологической точки зрения, слово “толпа” получает уже совершенно другое значение. При известных условиях собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. В толпе сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа с определенными чертами, но имеющая временный характер» [5, с. 160].

Закон духовного единства означает, что каковы бы ни были индивиды, «одного лишь превращения в толпу достаточно для образования рода коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности. Более того, существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет собой временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, соединившихся вместе, подобно тому, как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие посредством этого соединения живое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности» [5, с. 160]. Такое описание толпы проецируется на современное понятие безмасштабной самоорганизующейся сети, которая в известной степени является виртуальной толпой. Пространством для ее формирования становится инфосфера, т. е. отдельные субъекты такой толпы могут находиться даже в разных точках земного шара, но их объединяет закон духовного единства.

Практический дискурс формирования виртуальной толпы реализуется в рамках понятия «умная толпа», предложенного Г. Рэйнгольдом [1]. В контексте данного понятия рассматриваются организационные связи малых групп, относительная устойчивость которых и когнитивные возможности поддерживаются при помощи сетевых технологий интерактивной коммуникации. Это толпы не в буквальном, а в виртуальном понимании, сущностным признаком которых в обоих случаях являются сетевые принципы их формирования, основанные на эффекте коммуникативного резонанса. Сетевой коммуникативный резонанс – это процесс с обратной связью, в результате которого происходит формирование сетевых взаимодействий в информационном пространстве.

Таким образом, базовые принципы сетевой самоорганизации социальных сообществ заложены в механизмах формирования толпы. Известно, что в толпе человек ведет себя иначе, чем когда он один,

наедине с собой: даже убежденный индивидуалист поддается гипнозу толпы. Собрание людей в массу, толпу означает образование сети. Границы превращения подвижны, значение имеют количественные показатели. Среднестатистический индивид, включенный в сеть, чувствует себя человеком массы, приобретая ее свойства. Во-первых, масса легче поддается эмоциям. Во-вторых, у массы ослаблена способность к умственной работе. В-третьих, у массы нет инструмента для тонкой логической работы. Она хочет слышать ясные суждения и сильные доводы. Человек в массе легковерен, он как бы обезличивается, снижается его способность к критическому восприятию происходящего. Он видит все в черно-белых красках. На первый план выступает инстинктивное и иррациональное [6, с. 14]. В постиндустриальном обществе в известной степени мы имеем дело с феноменом сетевой самоорганизации толпы.

Толпа – понятие количественное и визуальное: множество, или масса, на языке социологии. С точки зрения социальной самоорганизации, общество следует рассматривать в качестве динамического единства меньшинства и массы: «Меньшинство – совокупность лиц, выделенных особо, масса – не выделенных ничем. Масса – это средний человек. Таким образом, чисто количественное определение “многие” переходит в качественное» [7, с. 419].

Как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ, что и наблюдается в интерактивном пространстве. По одному единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой и ощущает таким же, «как и все». Деление общества на массы и избранные меньшинства – типологическое, оно не совпадает ни с делением на социальные классы, ни с их иерархией [7, с. 419]. Коммуникационное взаимодействие между массой и меньшинством представляется матрицей социальной сетевой самоорганизации.

Элита в социуме – это всегда меньшинство. Теория элит постулирует, что власть в обществе не могут осуществлять ни один человек, ни все люди сразу. Как следствие, появляется организованное меньшинство, и оно управляет, потому что оно организовано. В рамках макиавеллистской школы политической социологии в начале XX в. родился закон олигархии Р. Михельса, который так описал принцип самоорганизации меньшинства: «Неизменный социальный закон состоит в том, что в любом органе сообщества, возникшем под влиянием разделения труда, возникает по мере его консолидации собственный интерес, интерес сам по себе и для себя. Но существование собственного интереса в общем союзе включает в себя существова-

ние треней и противоположность интересов по отношению к общему интересу» [8].

Причины перерастания демократии в олигархию он объяснял тремя следующими тенденциями: одна заложена в сущности человека, другая – в особенностях политической борьбы, а третья – в специфике развития организации. Это частично объясняется психологией массы. Понятие массы у Р. Михельса интерпретируется как совокупность психических свойств массового обывателя: политическая индифферентность, некомпетентность, потребность в «сильной руке». Данные выводы стали основаниями закона олигархии: эти массы не могут сами управлять делами общества, поэтому необходима организация, которая неизбежно поделит любую группу на властвующих и подвластных [8]. В «обществе онлайн» такая «группа властвующих» может представлять собой сетевую аристократию – нетократию. В целом постиндустриальный переход предопределил формирование качественно новых элит – корпоратократии и нетократии [9, с. 6], воплощающих принцип корпоративного сетевого управления глобальными политико-экономическими организациями социума.

Глобализация информационной сферы привела к образованию расширяющейся, надежной и эффективной «сети коммуникаций, в которую вовлечены правительства всех государств, предприятия, организации, университеты, школы и миллиарды граждан» [10] во всем мире. Они составляют «глобальный социум», являющийся субъектом производства и потребления знаний и информации [11, с. 235]. Таким образом, информационная сфера связана с созданием, преобразованием и потреблением информации и обусловлена существованием глобальной информационной инфраструктуры, имеющей сетевой характер и играющей стратегическую роль в утверждении и поддержании доминирования более развитых в технологическом отношении стран.

В данном контексте информация представляется продуктом социального происхождения, совокупностью мыслительных практик, обусловленной наличием объективного знания, и одним из стратегических ресурсов устойчивого социально-экономического развития. Следовательно, в постиндустриальном обществе, характеризующемся широким применением информационно-сетевых технологий, она способна стать и главным фактором социальной самоорганизации, одна из базовых моделей которой представлена скоординированными акциями протеста.

В ходе череды цветных революций новой истории Интернет позволил планировать акции протеста в режиме онлайн. Скажем, в процессе Евромайдана шел обмен сообщениями, члены сетевого сообщества договаривались о совместных

действиях, таких как, например, пикетирование здания правительства. Была создана модель сетевого управления массовыми информационными процессами на основе новых медиаплатформ [12, с. 322], что в итоге привело к насильственной трансформации политической системы Украины.

Таким образом, структуру социальной самоорганизации следует рассматривать в контексте системы сетевых практик постиндустриального общества, в котором радикально трансформировалась социальная роль производственного процесса, уже не оказывающего столь заметное влияние на нравы, строй и ценности общества. Формирование социальных паттернов происходит в информационной сфере, предопределяющей новые качества социальных взаимодействий: сетевая логика инфосферы формирует тип мышления и способ жизни, которые характеризуются ослаблением экстерриториальных и социальных связей.

Реализация личных потребностей представителя «глобального социума» за счет сетевых возможностей привела к явлению, которое М. Кастельс назвал сетевым индивидуализмом: «Такая индивидуализированная связь с обществом является специфической формой социальности, а не каким-то психологическим атрибутом. Она имеет в своей основе, прежде всего, индивидуализацию отношений между капиталом и трудом, между рабочими и трудовым процессом в рамках сетевого предприятия. Она порождена кризисом патриархальности и последующим распадом традиционной нуклеарной семьи, существовавшей с конца XIX столетия. Она поддерживается (но не производится) новыми моделями урбанизации, поскольку пригороды и загородные поселения расползаются во все стороны, и разрыв связи между функцией и смыслом в микрорайонах городов-гигантов способствует индивидуализации и дезинтеграции пространственного контекста жизни. И она поддерживается за счет кризиса политической легитимности, поскольку увеличение дистанции между гражданами и государством воздействует на механизмы представительства, способствуя выводу индивидуализма из общественной сферы. Новая модель социальности в постиндустриальном обществе характеризуется сетевым индивидуализмом» [13, с. 155], который, вероятно, является социальной реакцией на процесс глобализации.

Именно в рамках новейшей коммуникативной [11] (твиттерной) революции возникла метафора «общество онлайн» [14], системообразующей основой которого является социальная информация, способная в короткий промежуток времени консолидировать социум и создать предпосылки для общественно-политических трансформаций.

Еще в конце XX в., как отмечает И. Н. Панарин, усиливается внимание мировой политической элиты к феномену социальной информации, ставшей индикатором функционирования постиндустриального общества.

Социальная информация все больше влияет на борьбу политических элит. Ее функционирование выявляет структуру взаимодействия между различными сообществами в информационной сфере, которая структурируется уровнями циркуляции социальной информации: национальный, региональный, континентальный, глобальный [15, с. 26], проектируемыми и на пространство интерактивной коммуникации.

В сетевом измерении речь идет об оценке потенциала накопления системных противоречий, когда социальные трансформации под воздействием средств информационного поражения приводят к разрушению государственных институтов, разжиганию национально-этнической розни и другим дестабилизационным процессам, выступающим инструментом геополитического противоборства.

Постиндустриальный переход характеризуется тем, что качество восприятия и пространства, и времени трансформируется «под совместным влиянием информационно-технологической парадигмы, а также социальных форм и процессов» [13, с. 307]. В «обществе онлайн» информационная сфера определенным образом структурируется и расширяется, оказывая непосредственное влияние на социосистемные трансформации, формирование социального поля, в рамках которого «сеть – один из основных способов, посредством которых достигается эффект структурирования социальных влияний» [16]. Расширение инфосферы предопределяется развитием медийных платформ «общества онлайн»: глобальная социосистема предполагает и формирование глобальных интерпретационных механизмов, реализующихся в рамках данного феномена, ставшего продуктом глобального процесса сетевой социальной самоорганизации.

Список использованных источников

1. Рэйнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рэйнгольд. – М., 2006. – 416 с.

2. Еремин, А. Л. Ноогенез и теория интеллекта / А. Л. Еремин. – Краснодар: СовКуб, 2005. – 356 с.

3. Dijk, J. A. G. M. van. The Network Society: Social Aspects of New Media / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd, 2005. – 304 p.

4. Лебон, Г. Вожаки толпы и их способы убеждения / Г. Лебон // Контроль сознания и методы подавления личности: хрестоматия. – Минск: Харвест, 2004. – 624 с.

5. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 800 с.

6. Шейнов, В. А. Пиар «белый» и «черный»: технология скрытого управления людьми / В. А. Шейнов. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2007. – 672 с.

7. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 800 с.

8. Михельс, Р. Социология политической партии в условиях демократии / Р. Михельс // Диалог. – 1990. – № 5. – С. 81–86.

9. Гильбо, Е. В. Постиндустриальный переход и мировая война / Е. В. Гильбо. – Тенерифе, 2013. – 119 с.

10. Березин, В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия / В. М. Березин // Авторский проект Екатерины Алексеевой EVARTIST [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text7/65.htm#z_01. – Дата доступа: 01.01.2013.

11. Буряк, В. Глобальное гражданское общество & сетевые революции / В. Буряк. – Симферополь: ДАЙПИ, 2011. – 152 с.

12. Кара-Мурза, С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2005. – 258 с.

13. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитоновой. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитар. ун-та), 2004. – 328 с.

14. Howard, P. E. N. Society Online: The Internet in Context / P. E. N. Howard, S. Jones. – Thousand Oaks, California.: Sage Publications, Inc, 2004. – 384 p.

15. Панарин, И. Н. Технология информационной войны / И. Н. Панарин. – М.: КСП+, 2003. – 320 с.

16. Назарчук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.

Аннотация

В статье раскрывается смыслообразующий комплекс сетевой самоорганизации. «Общество онлайн» интерпретируется как феномен глобального интерактивного пространства, социальное измерение которого предопределено роением как способом действий индивидов. «Умная толпа» предстает одной из ключевых форм сетевой социальной самоорганизации и маркером «общества онлайн», перенося действие из пространства мест в пространство интерактивных потоков.

Summary

In article the semantic-forming complex of network self-organization reveals. «Society online» is interpreted as a phenomenon of global interactive space which social measurement is predetermined by swarming as way of actions of individuals. «The clever crowd» appears as one of key forms of network social self-organization and a marker «societies online», transferring action from space of places to space of interactive streams.